
Лингвистика

УДК 81'.255/2

ББК 81.07

А 93

Аутлева Ф.А.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Адыгейского государственного университета, KAFINYAZ@mail.ru

Проблемы художественного перевода в критическом наследии Маршака (Рецензирована)

Аннотация:

Характеризуются признаки диалога культур на материале многогранной деятельности С.Маршака, рассматриваются данные метапоэтики в его «взрослой» лирике и в литературно-критических статьях, в частности, связанные с теорией, историей и практикой художественного перевода. Приводятся примеры авторского анализа принадлежащих самому поэту переводов из «Короля Лира» и принадлежащих К.Бальмонту переводов стихов У.Блейка.

Ключевые слова:

Художественный перевод, тема духовности, триада «Восток-Запад-Россия», научный, культурологический и онтологический смысл, национальные образы (модели) мира, этноэкология, этнопсихология.

Autleva F.A.

Candidate of Philology, Associate Professor of Foreign Language Department, Adyge State University, e-mail: KAFINYAZ@mail.ru

Literary translation problems in Marshak's critical heritage

Abstract:

The paper characterizes indications of dialogue of cultures on the basis of a material of many-sided activity of S. Marshak. The author of this paper examines metapoetics data in Marshak's "adult" lyrics and in literary-critical papers, in particular, related to the theory, history and practice of literary translation. Examples are given of Marshak's analysis of his translations from "The King Lyre" and K. Balmont's translations of W. Blake's verses.

Keywords:

Literary translation, spirituality theme, triad "East-West-Russia", scientific, culturological and ontologic sense, national images (models) of the world, ethnoecology, ethnopsychology.

Дмитрий Лихачев и Георгий Гачев подчеркивали мысль о сущности национальных культур как явлениях органических, что получило своё отражение в сферах этноэко-

логии, этнопсихологии, этнокультуры, экологии культуры, экологии души.

В этом контексте актуально рассмотрение художественных переводов выдаю-

---

щихся отечественных поэтов, в частности, С.Я.Маршака. Заметное место в его переводах занимает тема духовности, в которой определяется концепция России как евроазиатского государства, государства между Востоком и Западом. Подобные взгляды содержат в себе научный, культурологический и онтологический смысл.

В ряде лучших его произведений обнаруживается как «Западное» так и «Восточное» восприятие мира. Две эти темы, равноправно существующие в творчестве С.Я.Маршака, подчеркивают двуединство его интересов и ставят вопрос об особенностях позиции поэта-переводчика в оценке разных цивилизаций и культур.

Мерилом всякого художественного перевода, в первую очередь, является, конечно, точность. Но точность — далеко не единственное условие. Забота о буквальной передаче слова еще не дает переводу широких прав и, по замечанию Брюсова, часто может даже обернуться предательством, исказить смысл и дух произведения.

Личная и творческая биография С.Я. Маршака (22.X. 1887- 4.V. 1964) пришлась на эпоху исключительную в мировой социальной, политической, культурной, этнической и т.д. истории, что дает основание рассматривать различные аспекты его творческой биографии в контексте названного времени. С.Я.Маршак — писатель и человек — сохранил в сложнейших исторических, социокультурных условиях свою индивидуальность, относительную идейную, духовную, креативную независимость, не прибегая к мимикрии и конформизму, не становясь «придворным поэтом» и рупором власти. Одновременно следует отметить в жизненной и творческой позиции С.Маршака отсутствие национальной узости, ксенофобии и наличие того, что обозначается непопулярным, к сожалению, ныне понятием «интернационализм». Причина этого — в пропорциональном сочетании, диалектическом единстве в его многогранном творчестве

категорий вечного и современного, общечеловеческого и национального.

В то же время парадоксально то, что он, прославленный, эталонный художник, чьи произведения при жизни вошли в хрестоматии и антологии, не получил достойного объективного освещения в библиографических и исследовательских работах. Начало литературного пути поэта в справочных изданиях обозначалось неверно и датировалось 1907-м годом. Но в зарубежных библиографиях четко указывалось: первое стихотворение С.Я.Маршака «20 таммуза» было опубликовано в журнале «Еврейская жизнь» (1904. №6), а в отечественных изданиях лишь в пятом томе указателя «Русские писатели и поэты» (Л., 1991) приведены эти сведения, их републикация состоялась в издании «Вестник еврейского университета в Москве»[1: 176].

Его ранние стихи-переводы, опубликованные в альманахах и журналах 1904—1916 годов, являют библейские мотивы и лирику мироощущения — философскую, любовную, пейзажную. Последние определения недаром поставлены в один ряд: разграничить их поэтическое воплощение в маршаковском творчестве любого периода почти невозможно. Уже на раннем этапе творчества С.Маршака «скрещенность заимствованной, переводной и русской, оригинальной поэтики стала для него не пробой стиля, рифм, интонации, а закладкой того, что в дальнейшем шлифовалось и разветвлялось»[2: 30].

С.Я.Маршак не был профессиональным литературоведом, однако данные метапоэтики, в частности, связанные с теорией, историей и практикой художественного перевода, встречаются и в его «взрослой» поэзии, и в литературно-критических статьях. В статье «Почерк века, почерк поколения» С.Маршак отмечает, что русская литература «сохранила и усыновила» немало «вдохновенных переводов» различных времен [3: 2].

Особое внимание С.Я. Маршак уде-

ляет переводам произведений, обладающих яркой национальной спецификой. По мнению А.А.Фокина и И.Ю.Мальгиной, «концептный анализ произведения позволяет выходить за пределы только языкового наполнения той или иной сферы жизнедеятельности человека и народа: политической, научной, социальной, философской, религиозной, духовной, эстетической»[4:29]. С.Маршак пишет: «Переводя «Гайавату», Бунин отнюдь не занимался механическим переложением поэмы Генри Лонгфелло, простой заменой английских слов и предложений русскими. Он внес в свой труд присущее ему тонкое и свежее чувство природы, поэтическое видение мира и то богатство образов, красок и звуков, которое заключено в самом русском слове. Оттого-то русский «Гайавата» оказался ничуть не слабее английского. Я бы не побоялся сказать больше; русский перевод этой поэмы, при всей его близости к оригиналу, живет своей жизнью и подчас лучше и непосредственнее передает благоуханную прелесть и причудливость народного сказания, чем английский подлинник» [5: 353]. По мнению С. Маршака, поэт-переводчик (стихотворец или прозаик) не может и не должен быть глух к голосу своего времени. Недаром каждая эпоха переводит наиболее близких и созвучных ей писателей. Одно поколение выбирает Байрона, другое — Эдгара По, Бодлера, Метерлинка, третье — Уитмена, Роберта Бернса, Петефи.

«Нельзя перекрашивать писателя другой эпохи в цвет своего времени, — считает С.Я.Маршак, — это было бы фальсификацией, подделкой. Однако художественный перевод — не нотариальный. Он не бесстрастен. Внимательный глаз читателя и критика всегда уловит в нем почерк века, почерк поколения, индивидуальный почерк поэта-переводчика»[5:354]. С.Маршак пишет эмоционально, метафорически, публицистично, считая, что переводчику нужны прежде всего тесное

общение с людьми, знание жизни и живого современного языка, богатый опыт чувств.

Методологически ценной и программной в контексте всей переводческой деятельности писателя является статья С.Я.Маршака «Шут короля Лира». Творчество шутов и скоморохов — это особая страница народной культуры, а их образы в русской и европейской литературной традиции отличаются особым смыслом. Здесь С.Маршак раскрывает свою творческую лабораторию переводчика фольклорных жанров — песен, пословиц, шуток. В трагедии Шекспира «Король Лир» песенки шута занимают не слишком большое место, да и вся роль шута невелика, почти ничего не вносит в сюжетное движение шекспировской пьесы. «Шут только откликается на то, что происходит и на сцене, и за пределами сцены — в современном ему обществе, — то краткой эпиграммой, то обличительной тирадой»[5: 402]. Однако С.Маршак признается, что переводить эти песенки нелегко. «Меткость и ясность суждений, продиктованных народным здравым смыслом, сочетаются в них с причудливой, нарочито дурашливой формой» [5: 402].

С.Я. Маршак глубоко оценивает то, что «философское, этическое и даже политическое содержание песенок шута почти всегда замаскировано, упрятано в загадку, в пословицу, в шутку, как будто бы простодушную и ребячливую. По существу же самый взрослый персонаж в трагедии — именно шут, видящий подоплеку всех отношений и трезво их оценивающий»[5: 402].

Для того чтобы перевести его стихотворные реплики, нужно было сначала раскрыть, расшифровать «подчас загадочный смысл подлинника, а потом вновь замаскировать его, облечь в уклончивую, игривую форму прибаутки. Пословица, поговорка трудно поддаются переводу. Они своеобразны и сопротивляются пересадке на чужую почву»[5: 402]. С.Маршак

уверен, что буквальный перевод — слово за слово — может их убить. Для каждой шутки, пословицы, присказки нужно найти в своем языке равноценную. Только тогда перевод будет точен не в школьном, а в поэтическом смысле этого слова, и в нем можно будет узнать подлинник. В этом-то и заключалась сложность перевода песенок шута. С.Я.Маршак признается, что он хотел сохранить в переводе «и предельную лаконичность подлинника, и его свободную непринужденность, которая заставляет верить в то, что каждая

*Вскормил кукушку воробей —
Бездомного птенца,*

Иной раз реплики шута направлены не против персонажей трагедии, находящихся тут же на сцене или за кулисами, а «метят дальше и шире» [5: 403]. Живую и разнообразную импровизацию, врывающуюся в текст трагедии Шекспира, С.Маршаку хотелось донести до отечественного зрителя, не утратив ее непосредственности и остроты. В то же время поэт был против того, чтобы чрезмерно вольное обращение с текстом подлинника, так облегчающее работу переводчика, приводило к искажению оригинала, стирающему его индивидуальные и национальные черты. Нивелировкой многих произведений национальных литератур С.Я.Маршак объяснял равнодушие читателей почти «ко всем издаваемым у нас антологиям» [5: 371].

«Прочитав перевод из Гейне, из Шиллера, Горация или Расула Гамзатова, читатель должен быть уверен, что он в самом деле прочел стихи Гейне, Шиллера, Горация и Расула Гамзатова, что поэт-переводчик донес до него подлинные мысли и чувства поэтов, не потеряв ничего главного, основного, существенного. При этом степень вольности и точности перевода может быть различная — есть целый спектр того и другого» [5: 373]. Важнее всего передать подлинный облик пере-

реплика шута рождается тут же на сцене, как острое словцо, сказанное вовремя и к месту, как счастливая импровизация» [5: 403]. Шут, не задумываясь, бросает как будто бы первые пришедшие ему на язык слова, но эти слова метко бьют в цель. В его песенках редко можно найти прямое обращение к тому или другому герою трагедии, «но и сценическим персонажам, и зрителям совершенно ясно, кого имеет в виду шут, когда в присутствии неблагодарной королевской дочери он произносит насмешливые стихи:

*А та возьми да и убей
Приемного отца!*

водимого поэта, его время и национальность, его волю, душу, характер, темперамент. «Переводчик должен не только знать, что сказал автор оригинальных стихов, — например, Гейне или Бернс — но и что, какие слова этот автор сказал бы и чего бы он сказать не мог» [5: 374].

Переводчик должен как бы «реинкарнировать» в автора и, во всяком случае, влюбиться в него, в его манеру и язык, сохраняя при этом верность своему языку и даже своей поэтической индивидуальности. Безличные переводы всегда бесцветны и безжизненны» [5: 374]. Отнюдь не насилуя и не искажая автора, хороший переводчик невольно и неизбежно отражает и свою эпоху, и себя самого. Как пример С.Я.Маршак приводит перевод К.Д.Бальмонта из У.Блейка. Стихи эти — о тигре — написаны четырехстопным хореем. Бальмонт сохранил в своем переводе этот размер, но у Блейка хорей звучит веско, величаво, даже грозно:

*Tiger! tiger! burning bright
In the forests of the night...*

А у Бальмонта получилось:
*Тигр, тигр, жгучий страх,
Ты горюшь в ночных лесах...*

- почти: «Чижик, чижик, где ты был? На Фонтанке водку пил». И читателю непонятно, почему же «эти легковес-

---

ные стишки считаются классическими» [5: 374]. По словам С.Маршака, лучшие образцы переводов русской школы передают не только душу, но и форму стихов, форму, которая является их плотью, — то, что Гейне называет «материей песни».

В заключение С.Я.Маршак выдвигает два на вид парадоксальных, но по существу верных положения: «Первое.

Перевод стихов невозможен. Второе. Каждый раз это исключение»[5:374]. Писатель постоянно подчеркивал то, какое значение имеют переводы в сближении национальных культур, как значительна и ответственна работа над поэтическим переводом.

Примечания:

1. Маршак С.Я. [Переводы] 20 таммуза и т.д. // Вестник еврейского университета в Москве. 1994. № 2. С. 176-214.
2. Колганова. А.А.Неизвестные стихи Маршака // Русская речь 1993. № 2. С. 29-31.
3. Маршак С.Я. Почерк века, почерк поколения // Литературная газета. 1959. 4 апр.
4. Фокин А.А., Малыгина И.Ю. Антропологические подходы к изучению литературы Северного Кавказа // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2011. Вып. 1. С. 28-33.
5. Маршак С.Я. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 6. М., 1972. 671 с.

References:

1. Marshak S. Ya. [Translations] of the 20th tammuz, etc. // Bulletin of the Jewish University in Moscow. 1994. № 2. P. 176-214.
2. Kolganova A.A. Unknown verses by Marshak // Russkaya rech. 1993. № 2. P. 29-31.
3. Marshak S. Ya. The style of the century, the style of the generation // Literarnaya gazeta. 1959. April, 4.
4. Fokin A. A., Malygin I. Yu. Anthropological approaches to the study of literature of the North Caucasus // Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts». Maikop, 2011. Issue 1. P. 28-33.
5. Marshak S. Ya. Collected works: in 8 vol. V. 6. M., 1972. 671 pp.